

МИАНА КАФИ

ЛУЧИ СВЕТА ПОД ТЫСЯЧЕЙ СЛИВОВЫХ ЛЕПЕСТКОВ

ИЛИ ДЕВЯТЬ РЕСНИЦ ДРАКОНА

КНИГА ПЕРВАЯ

К свету сквозь миры: Хроники Морены.

Миана Кафи

**Лучи света под тысячей
сливовых лепестков, или Девять
ресниц дракона. Книга первая**

«Автор»

2026

Кафи М.

Лучи света под тысячей сливовых лепестков, или Девять ресниц дракона. Книга первая / М. Кафи — «Автор», 2026 — (К свету сквозь миры: Хроники Морены.)

Романтическое фэнтези с элементами славянской и китайской мифологии
Славянско-китайское романтическое фэнтези о художнице, которая упала в унитаз и обрела себя в мире, где звери и камни разговаривают, драконы плачут ресницами, а царевич носит кисть вместо меча
С иллюстрациями
Первая книга цикла "К свету сквозь миры: Хроники Морены"
Фэнтези / Любовное фэнтези / Попаданцы / Мифологическое фэнтези

© Кафи М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Утро с ароматом спелой сливы.	8
Глава 2. Цветы на доспехах.	14
Глава 3. Первая ресница,или Как перестать быть невидимкой.	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Миана Кафи

Лучи света под тысячей сливовых лепестков, или Девять ресниц дракона. Книга первая

Пролог

Иногда Марине казалось, будто она идёт на эшафот. Не тот, с топором и криками толпы, нет. Всё куда прозаичнее. Ужин ровно в шесть, субботняя уборка по расписанию, дежурные:

— Как дела?

— Нормально

Каждый раз, когда Марина доходила до предела, когда сил не оставалось, а в голове крутился один вопрос: «Что происходит и как из этого выбраться?» — находился кто-то, кто уверенно объяснял: «сама виновата», или «Цепляешься, все так живут», «зажралась, не пьёт, не бьёт и ладно».

Фразы сыпались, как камни, и каждая била точно в цель. И Марина снова бралась за работу над собой.

Она не чувствовала веса своей жизни рядом с мужем. Её присутствие не меняло ничего. Муж смотрел сквозь неё, словно она была прозрачной. Её слова не имели силы, её чувства не значили ничего.

По крайней мере, так ей казалось.

Она шла рядом с ним так долго, что уже не понимала, в какую сторону. Сначала думала: надо просто потерпеть, свернуть с этой тропы всё равно не получится, дорога-то одна. Потом вспоминала слова матери, что она мало старается.

И она старалась больше. Ужины превратила в маленькие церемонии: салфетки, свечи, подача блюд всё как в ресторане, идеи подсматривала в интернете, пока он сидел перед телевизором. Дом сверкал чистотой казалось, даже воздух вымыт до блеска. Она постоянно проверяла себя: «Я хорошая жена? Достаточно ли я делаю?».

Он приходил, садился за стол, брал свою порцию и молча ел. Не спрашивал, поела ли она, поела ли дочь. Не замечал её усталости, не видел, как она ждёт хоть какого-то знака внимания. Лишь короткое «Спасибо, вкусно» и снова к телевизору, в телефон или сразу спать.

Марина купила курс по соблазнению и тщательно изучила его. «Секреты обольщения за 30 дней», «Как пробудить интерес мужчины», «Язык тела: от флирта до страсти» — всё это она проштудировала с усердием отличницы. Запомнила, как правильно наклонять голову, куда смотреть, когда улыбаться, а когда делать паузу. Освоив искусство страстного танца по видеоурокам, она зажгла в себе искру танца и раскрыла всю красоту своего тела.

В один вечер, вооружившись новыми знаниями, она включила приглушённый свет, надела платье, которое идеально подчеркивало манящие изгибы, и села напротив мужа. Она заговорила чуть тише, коснулась плеча, поймала его взгляд. Он поднял глаза от телефона, окинул её взглядом и спросил: «Ты чтото хотела?». Это прозвучало так буднично, будто она пришла спросить про расписание автобуса.

Тяжёлый вздох вырвался из груди Марины, между ними не нашлось бы ни одной общей темы.

И она продолжила просто ждать, как ждут того самого момента, который никак не наступает.

Она ждала так долго, что перестала понимать, чего именно ждёт. Просто привыкла, как привыкают к шуму поездов, если живёшь рядом с вокзалом: он звучит постоянно, но ты уже его не слышишь.

Злата, её дочь, закрывала перед ней дверь в свою клмнату. Девочка была единственной, ради кого Марина ещё пыталась что-то делать. Но и с ней осталась только проверка уроков да вечное «Ты можешь лучше».

На работе она выполняла всё безукоризненно: договоры безупречны, сроки соблюдены, отчёты составлены как по нотам. Руководство ценило: «Марина — наш золотой сотрудник».

Коллеги улыбались в лицо, поздравляли с успехами, премиями, повышением. Но на обеды уходили без неё. Сначала Марина думала, что это просто случайность. Потом решила, что сама виновата: нужно быть проще, смеяться над их шутками, пить кофе по пятницам. Она пыталась: присаживалась к ним в курилке, хотя не курила; расспрашивала о детях, ремонте, сериалах.

Ей улыбались, отвечали односложно и уходили.

Марина перестала пытаться. Просто работала и повторяла про себя: «Правильно, так и надо. Я здесь для работы, а не для дружбы».

Она сама выбрала этот путь: «правильная девочка», «хорошая жена», «ответственный сотрудник».

Мать когдато сказала: «Рисование — это несерьёзно». И Марина спрятала краски на антресоль — вместе с книгой про Китай, которую тайком листала по ночам, когда все засыпали. Проводила пальцем по глянцевым страницам: там драконы с длинными усами вились вокруг пагод, а на развороте цвели деревья, каких не бывает в её городе — нежнорозовые, почти прозрачные. Она почти чувствовала их аромат — запах цветущей сливы.

По ночам Марина сидела на подоконнике, смотрела на огни чужого мира за окном и ждала чего-то недостижимого. И жила она с тех пор с ощущением какого-то странно-тревожащего смятения и нарастающей тоски

А однажды утром, когда зеркало снова не отразило никого, кроме усталой женщины в сером, она взяла помаду дочери.

Провела яркую черту. По губам. По границе. По этому миру.

Глава 1. Утро с ароматом спелой сливы.

Утро началось с забрызганного зеркала. Кто-то мечтает о кофе в постель, о цветах без повода. Кто-то о поцелуях под луной.

Марина стояла перед раковиной, сжимая в руке тряпку, и вглядывалась в своё отражение сквозь разводы и свежие белые пятна. Кто-то недавно мыл руки или чистил зубы и оставил после себя эту мелкую россыпь брызг, а потом ушёл, просто закрыл дверь, не задумавшись о том, что следом придёт кто-то ещё. Зачем думать о других? Правильно, для этого есть Марина.

— Неужели так сложно взять и убрать за собой эти несчастные капли? — прошептала она. Голос дрогнул от закипающей ярости, это была та злость, что копилась годами и не находила выхода. — Что вообще нужно делать, чтобы так всё забрызгать? Если бы я попыталась так сделать специально, у меня бы точно не получилось!

Она с грустью перевела взгляд на тумбочку, там тоже царил хаос. Среди множества флакончиков и тюбиков особенно выделялась помада дочери. В ярком, сочном футляре с блестящим колпачком, будто нарочно манящим к себе. Злата вечно забывала её здесь, теряла, покупала новую. Они ссорились изза этого: «Деньги на ветер, куда столько, зачем?» — привычные упрёки голосом её матери, ставшие частью их разговоров.

Марина взяла помаду в руки. Крышечка щёлкнула, открыв стержень цвета лепестков сливы, нежно-розовый, почти прозрачный в утреннем свете. Тонкий цветочный аромат ударил в нос, и на мгновение мир замер. Её собственные помады были бесцветными, без запаха и лишёнными вкуса, как и вся её жизнь до этой секунды. Главное не привлекать внимания, не выделяться, быть как все. Но где-то внутри всё равно тлело желание быть яркой, без оглядки на других, без стремления впечатлить.

— Что, если я просто не стану это убирать? — произнесла она едва слышно, переключая внимание с неправильных мыслей. — Пусть всё зарастает грязью. С ног до головы. Похоже, что порядок и уют в этом доме беспокоит только меня.

Она машинально поднесла помаду к губам и провела линию. Цвет лёг мягко, едва ощутимо, будто его и не было вовсе, но что-то неуловимо изменилось. Губы вдруг показались чужими, а запах обволакивал, уводил куда-то далеко. Туда, где было тепло и тесно, как в детской комнате, где пахло красками, бумагой и свободой — той самой, которую она когда-то спрятала на антресоли вместе с кистями и альбомами.

Она провела помадой ещё раз, и нежно-розовый, почти прозрачный цвет пробудил давнее воспоминание, приоткрыв дверь в прошлое.

«Детство. Она сидит за столом, перед ней лист бумаги и краски. В руках тонкая кисточка, а в душе восторг от того, что вот сейчас она перенесёт на бумагу что-то понастоящему важное, что в её воображении выглядит невероятно прекрасным. Розовый цвет ложится на лепестки цветка лёгкими, трепетными мазками.

Мать заходит в комнату и останавливается за спиной.

— Что это? — спрашивает она, склоняясь над рисунком.

— Цветы, — с гордостью отвечает девочка. — Какие цветы? Таких не бывает. — Бывают, — упрямо повторяет она. — Я их видела в своей книжке про Китай. Там такие деревья повсюду и они цветут, когда снег ещё не растаял. Улицы полностью окрашиваются в розовые оттенки, а — В книжках много чего бывает, — мать усмехается, и от этой усмешки становится холодно. — А в жизни надо учиться серьёзным вещам. Возьми лучшую умную книгу, прочти может, хоть мысль какая-нибудь зародится.

Девочка молчит, сжимая кисточку с такой силой, что послышался треск. Она не берёт предложенную книгу. Но и краски больше не трогает, откладывает их в сторону, будто прячет саму возможность радости. А книжку про Китай тайком убирает под кровать. По

ночам, когда все засыпают, она достаёт её, осторожно перелистывает страницы и замирает над иллюстрациями: вот они, цветущие сливы, нежно-розовые, почти прозрачные; вот и драконы с длинными усами, вьющиеся вокруг пагод. Она разглядывает их подолгу, вдыхая воображаемый аромат цветов, и на мгновение чувствует себя свободной и по-настоящему счастливой.»

Марина моргнула. Провела помадой ещё раз, аккуратно заходя за линию губ. Кожа под нежным оттенком выглядела свежее и живее. Этот цвет вытаскивал на поверхность то, что она годами прятала глубоко внутри: искру, надежду, право быть не такой, как ожидают другие.

И снова внезапно нахлынуло яркое воспоминание:

Выпускной. Она стоит перед зеркалом в примерочной, и на ней платье. Не то, которое выбрала мать. Яркое, длинное, с открытой спиной, украшенное пушистыми переливающимися перьями. Цвет точно такой же, как тот закат, который она когда-то нарисовала в детстве: алый у горизонта, переходящий в лиловый и золотистый ближе кверху.

— Ты куда собралась? — голос матери звучит за спиной, холодный и непреклонный. — На выпускной, — тихо отвечает Марина, не отрывая взгляда от своего отражения. Ей нравится то, что она видит: лёгкая, воздушная, настоящая. Она уже представила какими тенями покроет веки и какой оттенок помады идеально впишется в цветовую гамму. — В этом? — мать смотрит так, будто Марина оделась для какого-то нелепого карнавала. — В таком только на панели, Марина. Надень что-то приличное. — Но мне нравится — пытается возразить она, чувствуя, как внутри зарождается протест. — Ты хочешь, чтобы над тобой смеялись? — отрезает мать. — Подумай о том, что скажут люди. А они скажут, что я плохая, не воспитала дочь!

Марина опустила глаза. Она не хотела, чтобы маме так сказали и не хотела, чтобы над ней смеялись. Не хотела быть «не такой». Поэтому сняла яркое платье, аккуратно повесила его на вешалку, задержав руку на плечиках, будто прощаясь с чем-то важным. Надела то, что купила мать: бесцветное, безликое, «правильное». Как и она сама, по мнению окружающих.»

Марина провела помадой ещё раз. Губы стали нежно-розовыми, как лепестки сливы. Брызги на зеркале мешали видеть себя целиком, она видела своё лицо только частично, как будто её настоящей здесь нет. И тут, словно кадр из старого фильма, перед внутренним взором всплыл следующий эпизод её жизни:

«Юридический факультет. Она сидит за партой, а перед ней горы учебников, толстые тома кодексов, конспекты с подчёркиваниями. В голове эхом звучат слова матери: «Это надёжно, это всегда при деньгах, это серьёзно. Рисование — баловство. Краски для тех, у кого нет головы на плечах».

— Художником будешь — с голоду помрёшь, — твёрдо говорила мать, раскладывая перед ней брошюры юридических вузов. — А юрист всегда при деле и при деньгах. И парни с мозгами на таких заглядываются.

Марина не хотела парней с мозгами. Она хотела рисовать — переносить на бумагу облака, деревья, лица людей, ловить оттенки и настроения. Но мать сказала и она пошла. Потому что так надо. Потому что мать лучше знает. Потому что она уже давно перестала спорить, научилась кивать и говорить «да», пряча мечты в самый дальний ящик.»

Ещё один штрих и линия слегка зашла за границы губ. Бум. И память швырнула её в другое время:

«Дискотека. Она стоит у стены в толпе, музыка гремит так, что закладывает уши. Она совсем не хотела сюда идти. Мать буквально выгнала: «Сидишь с учебниками, как сын. Выйди, проветришься. Может, кто и взглянет на тебя, непутёвую».

Марина вышла и там, у стены, где было чуть тише, стоял он. Такой же потерянный, как она. Смотрел в пустоту, будто ошибся дверью. Их взгляды встретились и в этом мгновении что-то щёлкнуло. Они просто поняли друг друга без слов: два человека, загнанные в рамки чужих ожиданий, два путника, сбившихся с пути. Он искренне улыбнулся, без масок. И она улыбнулась в ответ.

Чуть позже быстрая, «правильная» свадьба. Рождение Златы. Быт, который навалился, как снежная лавина: счета, списки покупок, бесконечные «ты выключил свет?», «ты купил хлеб?», «ты снова забыл.»»

Марина поправила линию. Помада легла ровно, мягко, будто её и не было, но что-то изменилось и новое воспоминание:

«— Помнишь, ты хотела рисовать? — спросил муж как-то вечером.

Она так и встала с тарелкой в руках, от изумления даже вскружило голову, а в кончиках пальцев кольнуло электричество.

— Нет, — ответила она. И поверила себе.»

Они не были несчастными. Они просто никогда не были счастливыми. И никто не виноват. Ведь они делали всё правильно, но жизнь оказалась серой. Не об этом она мечтала в детстве. Разве так уж недостижима та жизнь, о которой она грезила ночами в юности? Прямо как та помада, которую она никогда не покупала.

Марина посмотрела на своё отражение. Сквозь брызги. Сквозь годы. Нежно-розовые губы на уставшем лице смотрелись чуждо, будто она надела чужую жизнь. Как будто...

Резко, почти судорожно, она потянулась к скребку, отгоняя нахлынувшие мысли. Кольцо незаметно соскользнуло с пальца, на мгновение замерло в воздухе и с глухим звуком плюхнулось прямо в унитаз.

— Твою ж...

Она с досадой покачала головой. Кольцо лежало на дне, сверкая золотом в прозрачной воде.

Её раздражало всё: забрызганное зеркало, помада дочери на столике, муж, который не видит дальше своего носа, бесцветная жизнь, что день за днём просто проходила мимо. И это кольцо — оно не слезало с пальца столько лет, а теперь вдруг соскользнуло само, без усилий, будто решило покинуть её.

Она уже собиралась сунуть руку в унитаз, но в голове вдруг зашумело, перед глазами поплыли тёмные точки.

«Смыть за собой — рука отвалится?» — прозвучал в ушах собственный голос, такой знакомый, злой и усталый.

— Злата! Чтоб тебя — начала было Марина, но осеклась на полуслове.

В груди что-то дрогнуло: она вдруг отчётливо поняла, что это её вина. Не научила. Совсем ничему не научила дочь. Только показывала, как терпеть, сдерживать слова, сглаживать углы. Как жить, подстраиваясь под других, забывая о себе.

Марина присела на корточки, не отрывая взгляда от кольца. Вода в унитазе была неприятно холодной. Пальцы слегка дрожали и будто не слушались её.

«Взять перчатку? Или всётаки так» — мелькнула мысль.

— Кар-р-р!

Она вздрогнула. На краю унитаза сидел огромный, чёрный, с блестящими перьями ворон. Тот самый, которого Златка когда-то принесла с оживлённой проезжей части, тогда он ещё был крошечным, жалким птенцом, едва живым. Теперь он вырос в наглого, вечно ворчащего. Но всегда когда ей хотелось плакать, он почему-то был рядом.

— Ну что тебе, пернатый? — выдохнула она, стараясь унять дрожь в голосе.

Ворон склонил голову набок, сверкнул глазомбусиной. Марина смотрела на него, и память сама развернула давнюю картину: Златка, совсем маленькая, прижимает птенца к груди и торжественно объявляет: «Это Абрахас».

Марина тогда спросила, откуда такое имя. Дочь ответила серьёзно, повзрослому: «В сказках ворона так звали. Он был мудрый и всё знал». Мать лишь хмыкнула в ответ: «Сказки — это несерьёзно, и птице не место в доме». Но имя прижилось, а ворон рос.

В то время Марина не понимала, почему эта птица неизменно оказывалась рядом в самые тяжёлые периоды её жизни. Теперь, кажется, начинала понимать — будто что-то наконец встало на свои места.

— Ну что тебе? — повторила она тише, почти шёпотом.

Ворон не ответил. Он просто смотрел — спокойно, внимательно, будто ждал, пока она примет какое-то решение. Марина отвела взгляд от птицы, медленно протянула руку к кольцу. Пальцы скользнули по холодному фарфору, нащупали гладкий металл. Ещё чуть-чуть

Вода становилась всё теплее, пока не стала совсем уже невыносимой. Марина хотела отдернуть руку, но не смогла: словно какая-то сила удерживала её на месте. Эта сила обволакивала запястье, поднималась выше, к локтю, к плечу, она лишала Марину воли и дыхания. Мир перед глазами закружился, поплыл, теряя чёткие очертания.

Водой сдавило грудную клетку, а уши заложило так, что не слышно было даже собственного дыхания. Она открыла рот, чтобы крикнуть, но изо рта вырвались лишь пузыри, медленно устремившиеся вверх. Ещё какое-то время она судорожно дёргала руками и ногами, пытаясь выплыть из этого обжигающего омута, как вдруг вода внезапно стала ледяной.

Она потеряла ориентацию: не знала, где верх, где низ, где свет, где тьма. Вода сжимала грудь, не давала сделать вдох. Она пыталась вырваться, но тело не слушалось — будто стало чужим, неподвластным ей.

— Вот так, — пронеслось в голове. — Когда начинаешь меняться, теряешь почву под ногами.

Марина ощутила, как что-то привычное и надёжное уходит. Будто слои старой жизни, навязанной когда-то извне, постепенно растворялись, оседали на дно, освобождая место чему-то новому.

— А что останется? — подумала она, и мысль прозвучала глухо, словно изпод толщи воды.

Вода сомкнулась над головой. Лёгкие жгло, в ушах стоял глухой шум, похожий на отдалённый гул океана. Она уже не понимала, где находится, кто она и зачем здесь оказалась. Время остановилось, а границы между прошлым и будущим, между страхом и надеждой размылись окончательно.

Марина не очень понимала, что вообще произошло и как она оказалась в этой бездонной глубине.

И вдруг чьи-то тёплые сильные руки обхватили её за плечи и потянули вверх, вырывая из бездны тьмы.

Тело отреагировало раньше, чем она успела хоть что-то понять. Темнота стремительно ушла вниз. В глаза ударил расплывчатый свет, который вдруг стал резким. Поверхность воды разорвалась, когда они всплыли. Воздух острой болью ворвался в лёгкие. Ещё вдох, ещё — и боль превратилась в дыхание, в жизнь, которая продолжалась, хотя Марина уже почти с ней простилась.

Её тянули куда-то по воде, потом по берегу. Марина нащупала крупный, чуть грубый песок с незнакомым запахом. Это не было похоже на тину или городские пруды, к которым она привыкла.

В ноздри проник тонкий аромат цветущей сливы. До слуха донёлся едва уловимый шелест травы. А холод воды оказался какимто другим, не таким, как обычно.

Спиной она ощутила мягкую, но с лёгкой колючестью траву.

Она кашляла, с трудом избавляясь от воды, жадно ловила ртом воздух. Кто-то крепко держал её, не позволяя соскользнуть обратно в пучину. Сквозь гул в ушах пробивался чужой, взволнованный голос.

Распахнув глаза, она увидела низкое и ослепительно яркое небо, а облака складывались в причудливые образы.

Над ней склонился незнакомец. Светлые волосы, мокрые от воды, прилипли ко лбу. Одежда выглядела непривычно, чуждо; через плечо виднелось нечто, напоминавшее кисть для каллиграфии, но похожее и на меч. В серых глазах читалась тревога. Он что-то говорил, губы шевелились, но звуки не достигали её слуха.

— Жива.— прозвучал голос. В нём не было суеты, только ровное, привычное спокойствие, ставшее частью характера. — Как тебя зовут?

— Марина, — едва слышно прошептала она.

Он не разобрал или услышал иначе:

— Морена?

Она хотела возразить, хотела сказать: «Нет, я всего лишь та, кто моет зеркала, ищет потерянные носки, терпит повседневную рутину». Но внезапно осознала: прежняя она осталась там, в ванной комнате, у забрызганного зеркала. А здесь здесь открывалась возможность стать кемто иным.

— Да, — тихо произнесла она. — Морена.

Имя повисло в воздухе, опустилось в тишину, словно камень, брошенный в гладь воды, и вода безмолвно приняла его.

С этими словами внутри что-то переменялось — будто дверь, запертая много лет назад, сама собой приоткрылась, впуская забытый свет.

Хриловатое карканье раздалось откудато сверху. На ветке, чуть покачиваясь, сидел ворон. Она попыталась собраться с силами, чтобы спросить, как он очутился здесь, но сознание ускользало. Последним, что отпечаталось в памяти, был взгляд ворона. Он смотрел так, словно всё происходящее было частью давно задуманного плана..

— Абрахас — сорвалось с её губ.

И сознание покинуло её.

Глава 2. Цветы на доспехах.

Она открыла глаза.

Морена ещё не понимала, где заканчивается её тело и начинается земля. Будто границы, которые были всю жизнь — вот здесь я, а вот здесь мир — вдруг стёрлись. Она попыталась вспомнить, как её зовут, и вспомнила. Но имя показалось чужим. Как одежда, которую носишь годами, а потом снимаешь и понимаешь — она тебе мала. Или велика. Или вообще никогда не была твоей.

Небо над ней было низким, бледно-голубым, с облаками, которые складывались в причудливые фигуры — драконов, цветы, волны. Пахло не хлоркой и моющими средствами, а талой водой, сырой землёй и чем-то сладким, цветочным. Воздух пах не просто лесом, а тем самым лесом из книжки, которую она прятала под кроватью. Тем самым, где драконы дышали огнём, а царевны не ждали спасения.

Морена лежала на мягкой траве, и где-то рядом журчала вода. Она повернула голову. Ручей был прозрачным, быстрым, и на дне его лежали камни, которые светились изнутри — голубым, зелёным, золотым. Как светодиоды. Как те лампочки в её старой квартире, которые она так и не заменила. Но здесь они были живыми, словно дышали.

— Жива? — раздалось сверху.

Она подняла глаза. На ветке, низко склонившейся к воде, сидел ворон. Чёрный, огромный, с блестящими перьями, которые отливали синим на солнце. Мокрый. Недовольный. И почему-то довольный одновременно.

— Абрахас? — голос был хриплым, чужим.

— Абрахас, — подтвердил ворон. — А ты думала, кто? Птичка-невеличка? Я тебя, между прочим, из унитаза вытаскивал.

— Из унитаза? — она попыталась сесть. Голова закружилась, и она опять упала на траву.

— Ну, не совсем из унитаза, — ворон склонил голову, сверкнул глазом-бусиной. — Вода. Портал. Ты упала, я за тобой. Долго объяснять.

— А где... где мы?

— Там, — ворон махнул крылом куда-то вдаль, где за деревьями угадывались горы. — Где драконы, гоблины и всё, что вы, люди, называете сказками.

— Это не может быть правдой, — прошептала она. — Я сплю. У меня галлюцинации. Возможно я потеряла сознание и ударились, когда полезла за кольцом...

— Кар-р-р! — ворон хлопнул крыльями. — Если это галлюцинация, то почему трава колется? Почему вода пахнет рекой? Почему ты чувствуешь, как бьётся твоё сердце?

Она прислушалась к себе. Сердце билось. Сильно, ровно, живительно. В том мире оно билось иначе — тише, будто извинялось за то, что ещё работает.

Морена закрыла глаза. Сказки. Драконы. Гоблины. Она думала, что сейчас проснётся в своей ванной, перед забрызганным зеркалом, и всё это окажется сном. Но трава под спиной была настоящей. И запах. И ворон, который вдруг заговорил.

— Ты всегда умел говорить? — спросила она.

— Всегда, — ответил Абрахас. — Ты просто не спрашивала.

— А если бы спросила?

— Не поверила бы.

Она помолчала. Он был прав.

— Что теперь? — спросила она.

— Теперь жди, — ворон почистил перья. — Он скоро придёт.

— Кто?

— Тот, кто нырнул за тобой в озеро, пока ты тонула.

Она не успела спросить, кто это. Потому что услышала шаги.

Лёгкие, почти бесшумные, но она почему-то знала — это он. Тот, кто вытащил её из воды. Морена повернула голову и увидела.

Молодой царевич шёл по тропинке между сливовыми деревьями. Ветви низко склонялись к земле, усыпанные нежно-розовыми лепестками, и он проходил под ними легко, будто они сами расступались перед ним. Одежда на нём была странной, незнакомой — длинный тёмно-синий ханьфу с золотой вышивкой, на поясе — нефритовая подвеска в виде цветка сливы. Через плечо была перекинута кисть для каллиграфии, такая же, как те, что она видела в книжках про Китай, когда была маленькой.

Светлые, почти белые волосы были собраны в высокий хвост, но несколько прядей выбились и падали на лицо. Он остановился в нескольких шагах от неё и посмотрел.

Глаза у него были голубые. Ясные, внимательные, с лёгкой тоской, которая делала его лицо почти прозрачным.

— Очнулась, — сказал он. Голос был тихим, спокойным, будто они были знакомы сто лет.

— Ты... — начала Морена. — Ты меня спас?

Он кивнул. Сел на камень рядом, положил кисть на колени.

— Ты тонула в озере. Я нырнул и вытащил. Потом ты кашляла, говорила что-то про ворона и потеряла сознание.

— Прости, — сказала она почему-то.

Он улыбнулся. Уголки губ дрогнули, и в глазах мелькнуло что-то тёплое.

— Не извиняйся. Я сам решил.

— Зачем?

— Кодекс велит помогать тем, кто в беде.

— Кодекс? — переспросила она.

— Воинский, — он кивнул на кисть через плечо. — Я из рода хранителей. Мы охраняем границу между мирами.

Морена посмотрела на кисть. На вышитые цветы на его одежде. На нефритовую подвеску. Он не был похож на воина. Скорее на поэта, который забрёл не в ту историю.

— И часто ты вытаскиваешь людей из воды? — спросила она.

— Впервые, — он помолчал. — Обычно здесь никто не тонет. Это спокойное место.

— Тогда зачем ты здесь сидел?

Он не ответил. Просто посмотрел на воду, на лепестки, которые кружились в воздухе, на далёкие горы.

— Думал, — сказал он наконец. — Думал о том, что будет дальше.

— И что будет?

— Не знаю, — он повернулся к ней. — А ты? Что ты здесь делаешь?

— Я... — Морена запнулась. Что она здесь делала? Упала в унитаз? Исчезла из собственной ванной? Оставила дочь, мужа, работу. Оставила жизнь, которую ненавидела?

— Я не знаю, — честно сказала она.

Ворон на ветке довольно каркнул.

— Кар-р-р, — сказал он. — Хороший ответ.

Молодой человек поднял голову, посмотрел на Абрахаса.

— Твой? — спросил он.

— Мой, — вздохнула Морена.

— Он говорит.

— Да, — она помолчала. — Теперь всё говорит.

Вэй (она ещё не знала его имени, но почему-то называла его про себя именно так — Вэй) усмехнулся.

— Здесь многие говорят. Деревья, камни, вода. Даже лепестки, если умеешь слушать.

— А ты умеешь?

— Иногда, — он поднял руку, и лепесток сливы опустился на его ладонь. — Этот говорит, что сегодня будет ветер. А этот, — он поднял другой, — что кто-то придёт издалека.

— Я?

— Может быть, — он отпустил лепестки, и они закружились в воздухе. — Ты как себя чувствуешь?

— Странно, — ответила Морена. — Как будто я сплю.

— Не спишь, — он покачал головой. — Ты здесь. По-настоящему.

— И что мне делать?

Морена села на траве, обхватив колени руками. Ворон перелетел на её плечо. Она смотрела на ручей, на камни, которые светились изнутри, и чувствовала, как паника поднимается откуда-то из глубины, сжимает горло.

— Мне надо вернуться, — сказала она. — Срочно.

— Зачем? — спросил Вэй спокойно.

— Как зачем? — она посмотрела на него. — Дочь. Муж. Работа. Они же там без меня...

Она замолчала. Потому что вдруг поняла: она не знала, что они делают без неё. Она никогда не знала. Она всегда была там, всегда держала всё под контролем, всегда следила, чтобы всё было вовремя, на месте, как надо. А теперь... теперь она здесь. И не знает, что там.

— Злата наверняка не позавтракала, — прошептала она. — Она никогда не завтракает, а потом у неё болит голова. А муж... он даже не заметит, что меня нет. Или заметит, когда закончатся носки.

Ворон на плече хмыкнул. Вэй смотрел на неё с пониманием.

— Ты волнуешься о семье, это нормально.

— Да.

— Я знаю, кто может дать тебе ответ, — он встал. Поднял кисть, которая висела на поясе.

— Кто же это?

— Тот, кто видит всё, — он повернулся к ней. — Не бойся.

Она хотела сказать, что не боится. Но это была бы ложь.

Вэй поднял кисть, провёл ею в воздухе и воздух засветился. Золотым, тёплым и живым светом. Он писал что-то, и его движения были плавными, точными, как танец. Иероглифы рождались в воздухе, горели секунду, таяли, и на их месте возникали новые.

Морена не знала, что он пишет. Но чувствовала — что-то меняется.

Ветер стих. Птицы умолкли. Даже вода в ручье замерла, будто прислушиваясь. А потом — мир ожил. Птицы запели громче, слаще, чем прежде, и в их пении было что-то древнее, что-то, что она не могла понять, но чувствовала каждой клеткой.

— Он идёт, — сказал Вэй.

— Тот кто поможет мне? — прошептала Морена.

Вэй не ответил. Он хотел ответить, но не успел.

Земля дрогнула.

Сначала Морена подумала, что это землетрясение. Но дрожь была не резкой, а плавной, будто кто-то огромный медленно шёл через лес. Лепестки сливы взлетели в воздух, закружились в бешеном танце. Вода в ручье забурлила. Ворон взлетел на ветку повыше.

— Кар-р-р! — крикнул он. — Приготовься!

— К чему? — начала Морена, но не договорила.

Сначала она услышала низкий, затяжной звук, похожий на вздох кита, только в сотни раз глубже. Он шёл из-под земли, из-за деревьев, из самого воздуха. Морена почувствовала его каждой клеткой.

Земля дрожала и ей стало казаться, что это кружится голова. Но дрожь нарастала, поднималась от корней деревьев к её позвоночнику, заставляла сердце биться быстрее. Лепестки

сливы, которые ещё мгновение назад кружились в ленивом танце, взлетели вверх, забились в бешеном ритме. Вода в ручье забурлила, закипела, и на её поверхности выступил пар.

— Кар-р-р! — крикнул ворон, взлетая на ветку повыше. — Не смотри в глаза!

Морена не успела спросить, кому. Потому что из тумана, который вдруг сгустился до белой стены, выступила морда. Огромная. С длинными усами, которые струились на ветру, как шёлковые ленты. Глаза — золотые, вертикальные, смотрели прямо на неё.

За ней — вторая. Третья. Четвёртая. Девять голов покачивались на длинных шеях, как цветы на стеблях, и каждая смотрела на неё по-своему. Одни — любопытно, другие — настороженно, третьи — насмешливо.

— Абрахас, это что?

— Дракон, — ворон склонил голову. — Девятиголовый. Очень редкий вид. Очень нервный. Не делай резких движений.

— Что мне делать?

— Молчать и слушать. Это у тебя хорошо получается.

Дракон был огромным. Не таким, как в книжках, которые она листала в детстве, не толстым, чешуйчатым, с короткими лапами. Нет. Он был длинным, гибким, как река, которая течёт между холмов. Чешуя его переливалась всеми оттенками синего и зелёного, а усы, длинные, тонкие, струились на ветру.

Самая маленькая голова на тонкой шее, прищурилась:

— Это та?

— Та, — ответил ворон.

— Точно та?

— Точно.

Головы зашептались. Шёпот был похож на ветер в листве, на шум дождя, на шелест страниц старой книги.

— Тихо, — сказала самая большая голова в центре. Голос её был низким, спокойным, и все остальные замолчали.

— Ты — чужестранка, — она посмотрела на Морену. — Ты хочешь вернуться домой.

— Да, — ответила Морена. Голос прозвучал твёрже, чем она ожидала.

— Тогда тебе нужно нарисовать портал, — сказала голова. — Но твои краски здесь не работают. Нужны другие. И кисть. Из девяти ресниц.

— Девять испытаний, — добавила другая, с насмешливыми глазами. — Девять проблем царства, которые ты должна решить.

— А если я не справлюсь? — спросила Морена.

Головы замолчали. Даже ветер стих.

— Тогда останешься здесь, — просто сказала большая голова. — Навсегда.

Морена посмотрела на ворона. Тот молчал. На Вяя. Он стоял неподвижно, но в его глаза было что-то, чего она не могла прочитать.

— Я согласна, — сказала она.

Девять голов уставились на неё, затем переглянулись между собой.

— Ты уверена? — спросила мудрая.

— Нет, — честно ответила Морена. — Но я хочу вернуться домой.

Дракон снова посмотрел на неё. Он смотрел долгим и тяжелым взглядом. Будто видел не её, а всё, что было и всё, что будет.

— Первое испытание ждёт тебя там, где цвет забыл своё имя, — сказала мудрая голова. — Где обида стала стеной. Ты умеешь видеть то, чего нет. Теперь придётся научиться показывать другим то, что есть.

— Второе будет там, где время застыло, — добавила другая, с глазами цвета утренней зари. — Где люди остановились, потому что боялись идти дальше. Ты научишь их просыпаться. Но сначала проснёшься сама.

— Третье — там, где голос стал тишиной, — продолжила третья, с глазами цвета вечернего неба. — Где слова забыли, зачем они нужны. Теперь придётся научиться слышать.

— Четвёртое... — начала четвёртая.

— Довольно, — сказала мудрая. — Она и так напугана.

— Я не... — начала Морена.

— Напугана, — повторила мудрая. — Но это хорошо. Тот, кто не боится, не ищет дорогу домой.

Дракон начал таять. Чешуя его меркла, головы исчезали одна за другой. И последнее, что осталось, тяжёлый и уставший взгляд.

— Иди, — сказал дракон. — И помни: тот, кто не видит цвета, не различает теней. А тот, кто не слышит тишины, не поймёт и крика.

Морена осталась сидеть на траве. Она смотрела на туман, который скрыл дракона. Девять ресниц. Девять испытаний. Она хотела сказать «нет». Хотела крикнуть, что она не герой, не спасительница, что она просто женщина, которая упала в унитаз и хочет домой. Но молчала. Ворон спустился на её плечо.

— Кар-р-р, — сказал он. — Ну что, художница, готова к приключениям?

— Не готова, — ответила она.

— Это и хорошо, — усмехнулся ворон. — Кто готов, тот не учится.

Она повернула голову и увидела, что Вэй всё ещё стоит на том же месте. Смотрит на неё. В руке он держал упавший лепесток сливы.

— Держи, — сказал он, протягивая его. — На удачу.

Она взяла лепесток. Он был тёплым, будто живым.

— Ты пойдёшь со мной? — спросила она.

— Кодекс велит, — он улыбнулся уголком губ. — А я всегда следую кодексу.

— Даже когда не надо?

— Особенно когда не надо, — он поднял кисть с колен, перекинул через плечо. — Пойдём. Я покажу тебе дорогу.

Они пошли по тропинке между сливовыми деревьями. Ворон сидел на плече Морены, молчал. Вэй шёл впереди, иногда оглядываясь, чтобы убедиться, что она не отстала.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Вэй, — ответил он.

— Вэй, — повторила она. — Что это значит?

— Лучи света, — он посмотрел на небо, где сквозь облака пробивалось солнце. — Такие, что пробиваются сквозь тьму.

— Красиво.

— Это имя дала мне мать, — он помолчал. — Она говорила, что я рождён, чтобы освещать путь другим.

— А себе?

Он не ответил. Только улыбнулся и пошёл дальше.

Морена шла за ним, сжимая в руке тёплый лепесток, и чувствовала, как внутри неё просыпается что-то давно забытое. Что-то, что она прятала годами. Что-то, что пахло сливой и свободой.

Ворон сидел на её плече, молчал. Но когда Вэй отвернулся, он прошептал ей в ухо:

— Девять ресниц — это не просто испытания. Это ключ. К твоему прошлому. И к тому, кто тебя сюда позвал.

— Кто? — прошептала она.

Ворон не ответил. Только сверкнул глазом и замолчал.

Она не знала, что впереди её ждёт первое испытание. Не знала, что гоблины, которые забыли, как быть замеченными, обидчивее всех на свете. Не знала, что её появление перевернёт их мир.

Конец 2 главы.

Глава 3. Первая ресница, или Как перестать быть невидимкой.

Дорога к гоблинам Они шли долго. Сначала по тропе между сливовых деревьев, где лепестки падали на плечи, как снег, которого не бывает весной. Потом через лес, где пахло хвоей и сырой землёй, и каждый шаг утопал во мху, будто здесь никогда не ступала нога человека. Потом по выжженному полю, где трава не росла уже много лет, а ветер носил пепел, который скрипел на зубах.

Они шли долго. Сначала по тропе между сливовых деревьев, где лепестки падали на плечи, как снег, которого не бывает весной. Потом через лес, где пахло хвоей и сырой землёй, и каждый шаг утопал во мху, будто здесь никогда не ступала нога человека. Потом по выжженному полю, где трава не росла уже много лет, а ветер носил пепел, который скрипел на зубах.

Вэй рассказывал о гоблинах. О том, что когда-то они были хранителями леса, умели договариваться с деревьями, знали язык зверей. Но люди вырубали лес, а гоблинов вытеснили на окраину мира. Теперь они живут там, куда никто не ходит, и строят свои дома из того, что люди выбросили.

— А почему вы их не прогоните? — спросила Морена.

— Это их место, — ответил Вэй. — Они имеют право жить там, где хотят.

— Даже если они мешают другим?

— Они никому не мешают. Они просто существуют. Но люди всегда боятся тех, кто просто существует.

Морена замолчала. Она знала это чувство. Быть невидимой. Быть ненужной. Быть той, кого можно выбросить, как старую вещь, и не заметить, что её больше нет.

Абрахас перелетал с дерева на дерево, иногда возвращаясь, чтобы каркнуть что-то неразборчивое. Его чёрные перья блестели на солнце, и в этом блеске было что-то древнее, что-то, что она не могла понять, но чувствовала каждой клеткой.

— Он что говорит? — спросила Морена.

— Что скоро будем на месте, — перевёл Вэй. — И что там сильно пахнет.

Он не соврал.

Запах долетел до них задолго до того, как они увидели сам город. Тяжёлый, сладковатый, приторный — смесь гниющих отходов, застоявшейся воды и чего-то ещё, что не поддавалось описанию. Морена зажала нос, но запах проникал сквозь пальцы, оседал на языке, заставлял желудок сжиматься.

— Боже, — выдохнула она. — Что это?

— Гоблины, — усмехнулся Вэй. — Они не очень любят убираться.

— Не очень? — она смотрела на открывшуюся перед ними картину, и слова застревали в горле.

Город простирался насколько хватало глаз.

Дома из старых ящиков, крыши из ржавого железа, стены из спрессованного мусора, который держался только потому, что держался годами. Улицы, заваленные отходами, которые никто не убирал, потому что никто не помнил, что их нужно убирать. Всё было серым. Не серым от пыли — серым от времени. Серым от того, что краски выцвели, ушли, забыли дорогу сюда. Стены, лица, небо — всё сливалось в одну бесконечную, тягучую, безнадежную серость.

Гоблины сновали по улицам. Маленькие, юркие, в лохмотьях, с острыми ушами и глазами, которые смотрели на мир с постоянным недоверием. Они проходили мимо друг друга, не поднимая глаз. Говорили, но слова были как вода — не задерживались, стекали, исчезали. Жили рядом, но не вместе. Сотни лет рядом, но каждый сам по себе.

Их заметили сразу. Или не заметили? Гоблины смотрели сквозь них, будто их нет. Никто не подошёл, не крикнул, не швырнул камнем. Просто — не видели.

— Они нас не видят? — шепотом спросила Морена.

— Видят, — ответил Вэй. — Но делают вид, что нет.

— Зачем?

— Привыкли, что их не видят. Теперь и сами не хотят смотреть.

Вэй остался на окраине, прислонившись к ржавой трубе, которая торчала из земли, как зуб старого великана. Абрахас взлетел на высокий столб, уселся, расправил крылья, стал похож на чёрное пламя.

— Это твоё испытание, — сказал ворон. — Сама.

Морена сделала шаг вперёд. И сразу же поняла — здесь всё иначе.

Первый день: убеждения.

Город встретил её тишиной.

Не той тишиной, что бывает в лесу или в поле, где ветер шевелит траву, а птицы перекликаются в вышине. Другой. Тяжёлой, давящей, как вода, которая сжимает грудную клетку, не даёт вздохнуть. Она слышала свои шаги, своё дыхание, стук собственного сердца. И больше ничего.

Она пробовала заговорить — её не слышали. Пробовала коснуться плеча гоблина, который шёл мимо — он не обернулся. Она стала такой же серой, такой же невидимой, как стены, как лица, как небо над головой.

Паника нарастала. Она кричала, угрожала, размахивала кулаками, швыряла мусор — всё тонуло в тишине. Никто не оборачивался. Никто не смотрел. Никто не видел.

Морена блуждала по городу, не зная, куда идти. Улицы петляли, заводили в тупики, выходили на площади, заваленные хламом. Гоблины проходили мимо, не глядя. Некоторые толкали её, даже не заметив, что перед ними кто-то есть. Она падала, вставала, шла дальше. Колени были разбиты, на ладонях — ссадины, но она не чувствовала боли. Только эту глухую, давящую тишину.

Она потеряла счёт времени и уже не знала, где она, кто она, зачем она здесь. Серость проникала в неё, заполняла лёгкие, вены, каждую клетку.

Она наткнулась на него случайно. Или он сам вышел ей навстречу. На окраине, у пустого очага, сложенного из старых кирпичей, которые помнили ещё тот, первый огонь. Он сидел на перевёрнутом ящике, перебирая угли, которых давно не было. Старый, морщинистый, сгорбленный. Его руки, узловатые, в чёрных разводах, помнили то, что забыли все.

Он поднял голову. И впервые за всё время, что она блуждала по этому городу, кто-то её увидел. Не глазами — чем-то другим. Чем-то, что было глубже глаз.

— Ты из мира, где краски ещё живы.

Другие гоблины зашипели и стали окружать их. Самый крупный, с длинными усами и рваной шляпой, вышел вперёд.

— Ты кто? — спросил он.

— Морена, — она старалась говорить твёрдо. — Я пришла поговорить.

— О чём?

— О том, что вы... — она запнулась, вспоминая слова Вэя. — Вы мешаете жить другим.

— Кому? — усмехнулся гоблин.

— Всем, — Морена обвела рукой свалку. — От вас воняет на много вёрст. Вы воруете вещи, которые вам не принадлежат.

— Мы ничего не ворует, — обиделся гоблин. — Мы находим.

— Вы забираете то, что люди выбросили.

— А что, они хотели это обратно? — гоблин достал из кучи рваную куклу. — Вот это? Или это? — он поднял ржавую кастрюлю. — Они это выбросили. А мы нашли. Значит, наше.

— Но вы должны...

— Должны? — гоблин прищурился. — А кто это придумал? Люди? Люди решили, что мы должны жить здесь, дышать этим, есть это. И теперь мы ещё и должны?

Он плюнул на землю.

— Убирайся, чужестранка. Не лезь не в своё дело.

Морена хотела возразить, но гоблин уже отвернулся. Кто-то зашипел, кто-то засмеялся, кто-то швырнул в неё пустой банкой.

Она отступила. Солнце клонилось к закату, когда Морена вернулась к костру.

Вэй и Абрахас ждали на опушке.

— Не получилось, — сказала она.

— Бывает, — ответил Вэй.

— Ты не переживай, — добавил ворон. — Первый блин комом.

— Я не переживаю, — буркнула Морена. — Просто... я думала, они будут слушать.

— Они слушали, — Вэй посмотрел на свалку. — Просто не поверили.

— Чему?

— Что ты говоришь правду.

Второй день: угрозы и стыд.

Утром она проснулась от запаха. Того самого, сладковатого, приторного. Гоблины уже не спали — возились в кучах, что-то выискивали, шипели.

Морена смотрела на свалку. Её дом был чистым. Идеально чистым. Она тратила на это часы, дни, годы. Мыла полы, протирала пыль, раскладывала вещи по местам. Чтобы никто не сказал: «Какая неряха». Чтобы мать не сказала: «Я же тебя учила».

— Моя квартира могла бы стать такой же, — прошептала она. — Если бы я перестала убирать. Может, тогда они бы меня заметили?

Она почти потянулась за телефоном, чтобы снять кружок для мужа и дочери. Пусть посмотрят. Пусть увидят. Пусть испугаются. Но рука замерла на полпути.

Что это даст? Ничего не изменится.

Она встала, отряхнула рубашку и снова пошла к свалке.

Морена пошла к тому гоблину, который ответил ей вчера. На этот раз она решила быть твёрже.

— Слушайте, — сказала она громко. — Вы не имеете права жить здесь. Это земля людей. Гоблины стали окружать её. Самый крупный, в рваной шляпе, обернулся.

— А ты кто, чтобы решать?

— Я... — она запнулась. — Я требую, чтобы вы убрались отсюда.

Гоблины переглянулись. Кто-то засмеялся, кто-то рыгнул.

— Ты смешная, — сказал гоблин в шляпе. — Пришла, требуешь. А что дашь взамен?

— Я... — Морена растерялась. — Я не обязана ничего давать.

— Ага, — гоблин кивнул. — Как все люди. Приходят, требуют, а сами ничего не дают. Убирайся, чужестранка. Пока мы хорошие.

Он швырнул в неё гнилым яблоком. Морена отшатнулась, но не ушла.

— Я не уйду! — крикнула она. — Я буду стоять здесь, пока вы не...

— Не что? — гоблин подошёл ближе. — Не уберётесь? Не перестанете дышать? Не перестанете быть?

— Вы... вы! — Морена схватила первую попавшуюся банку и швырнула в ответ. — Убирайтесь! Слышите? Убирайтесь отсюда!

Гоблины замерли на секунду. Потом засмеялись. Кто-то зашипел, кто-то подхватил банку и бросил обратно. Морена едва увернулась.

— Смешная, — сказал гоблин в шляпе. — Думает, если покричит, мы испугаемся.

— Я не кричу! — закричала Морена. — Я требую!

— Требуй, требуй, — махнул рукой гоблин. — Мы тоже требовали, когда нас из леса выгоняли. Помогло?

— Мы — гоблины, — сказал он. — А ты — чужестранка. Уходи.

Она выпрямилась, сложила руки на груди и сказала громко:

— Посмотрите на себя! Вы живёте в грязи. Вы... вы недостойны называться хранителями леса!

Гоблины переглянулись. Кто-то опустил глаза, кто-то, наоборот, поднял голову выше.

— А кто сказал, что мы хранители? — спросил гоблин в шляпе. — Люди? Люди сказали, что мы никто. Что мы ничтожества. Что мы не важны и не нужны. Что нас можно выкинуть, как мусор.

— И вы поверили? — спросила Морена. — А что нам оставалось? — он развёл руками. — Мы жили в лесу. Соблюдали порядок. Никого не трогали. А люди пришли, вырубил лес и выгнали. Сказали: «Вы никто. Вы не важны. Вы даже не люди». — Но вы... — начала Морена. — Мы — гоблины, — перебил он. — А вы — люди. Вы всегда так. Сначала выгоняете, потом требуете, чтобы мы были удобными.

— И теперь, — гоблин в шляпе посмотрел ей прямо в глаза, — теперь мы живём так, чтобы нас заметили. Хоть так.

— Вы... вы специально? — Морена не верила. — Вы специально разводите грязь?

— А как ещё нас заметить? — усмехнулся он. — Мы маленькие. Мы некрасивые. Мы никому не нужны. Но если от нас воняет — нас замечают. Если мы шумим — нас слышат. Если мы мешаем — о нас говорят.

— Тем временем, разве это мы создали весь этот мусор?

— Не мы, нет не мы

— Это свалка, это то, что создали вы!

— Точно! Мы просто все собрали в кучу, чтобы нас не трогали.

Он пнул сломанный ящик.

— Это всё, что у нас есть.

Морена опустила глаза и вернулась к костру, где сидели Вэй и Абрахас.

Ночь опустилась, как тяжелое одеяло.

— Не получилось, — сказала она.

— Ты пыталась, — повторил Вэй.

— Она на них кричала, — заметил ворон. — Как её мать.

— Я не...

— Кричала, — подтвердил Вэй. — И требовала, стыдила. Они такого насмотрелись.

Морена не спала.

Она сидела у костра, обхватив колени руками, и смотрела на свалку. В темноте она казалась другой — не страшной, а тихой, почти уютной. Гоблины не спали — их тени мелькали между кучами, слышался тихий шёпот, иногда смех.

— О чём они говорят? — спросила она у Вэя.

— О тебе, — ответил он. — О том, что ты смешная. Что ты... другая.

— Какая?

— Не знаю, — он помолчал. — Не такая, как все.

Морена смотрела на огонь. Вспоминала мать, которая заставляла её быть удобной. Не высовываться. Не спорить. Не рисовать. Быть хорошей девочкой, хорошей студенткой, хорошим юристом, хорошей женой, хорошей матерью.

Она стала невидимкой.

— Они не хотят быть удобными, — прошептала она. — Они хотят быть замеченными. Даже если для этого нужно быть грязными.

Она посмотрела на свои руки. Чистые. Ухоженные. Невидимые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.